

ЭСЕРЫ В РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 ГГ. (АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ)

Хотя в зарубежной историографии эсеровской партии и нет специальных работ о ее деятельности в 1905-1907 гг., но то большое число общих трудов по истории революции, в которых видное место занимают разделы, посвященные эсерам, а также специальные исследования по различным аспектам их истории (количество таких изысканий в последние годы быстро растет) позволяет говорить о том, что имеется довольно обширная историография по данной теме.

В настоящем обзоре и ставится цель познакомить читателя с ее новейшими работами. Некоторые исключения сделаны для нескольких публикаций (1; 6; 13; 28), и прежде всего для работ Рэдки (16; 17; 18; 19), главным образом ввиду того, что его исследования до сих пор сохраняют большое значение для науки (на них постоянно ссылаются западные специалисты).

Эсеровская партия в зарубежной литературе традиционно считается истинным выразителем интересов крестьянства. Поэтому не случаен тот первостепенный интерес, который обнаруживают историки к эсеровской аграрной программе. Ее подробно рассматривает финский исследователь Х.Иммонен (11). Проблема взаимоотношений эсеров и крестьянства раскрывается известным английским специалистом по истории русского крестьянства Т. Шаниным (22), который в своем серьезном труде о революции 1905-1907 гг. дает широкую панораму ее событий и на фоне общественно-политической жизни страны показывает, приводя интересный фактический материал, крестьянство и эсеров в революции. Представляются неординарными интерпретации ряда событий 1905-1907 гг. и некоторые выводы Т.Шанина (22).

Ч.Райс (20) на основании новых архивных данных во многом пересматривает наследие своих предшественников О.Рэдки (16; 17; 18; 19), М.Перри (14; 15), М.Хилдермайера (8; 9) в отношении влияния эсеровской партии на рабочий класс. В исследования по истории эсеров большой вклад внесли Перри и Хилдермайер, которые анализируют широкий круг вопросов истории эсеров и особенно вопрос о терроре ~ тему, которая еще слабо отражена в нашей историографии. А.Блейкли (2) ставит перед собой задачу углубить и расширить уже имеющиеся в историографии представления об эсерах прежде всего как наиболее ярких в начале XX в. выразителях народнической идеологии и показать ее влияние на массовое сознание в ходе революции 1905-1907 гг. и на последующие события русской истории. Довольно необычен ракурс исследования Н.Шлейфмана. (24) о влиянии полицейской агентуры на деятельность эсеровской партии в период ее наибольшей активности (1900-1914). Помимо этих новых публикаций в обзоре используются и другие работы, в той или иной степени затрагивающие проблемы истории эсеровской партии.

К числу важнейших проблем в историографии относятся те из них, которые связаны с характером преемственности эсеров (от народничества). Долгое время она не вызывала ни слишком недоуменных вопросов, ни особого внимания западных специалистов. Однако в 1970 - 1980-е годы все это проявилось на страницах целого ряда исследований (2; 11; 13; 20; 25; 24, 23; 26). Блейкли в своей статье (2) дает проблеме преемственности более широкое толкование, чем ее коллеги. Она прослеживает, используя сравнительный метод исследования, влияние народнической идеологии в России на похожие современные идеологические течения во многих районах мира. Блейкли пишет, что теоретические основы эсеровской идеологии имеют гораздо более глубокие

корни, чем это представлялось ранее, — не только прямую связь с народничеством 70—80—х годов XIX в., но и с движением 1860-х годов. В этой оценке с ней солидарен и Райс (20). А.Иммонен (11) подчеркивает, что народническая идеология сложилась в России задолго до появления народнического движения. Он особо отмечает, что под народничеством понимаются разные идейные течения. А.Валицкий, например, под этим термином подразумевает все русские демократические течения от революционных до реформистских (27), Все они выражали интересы крестьян и мелких производителей и заключали в себе, как основополагающее, мысль о том, что Россия может миновать капиталистическую стадию развития.

Самое пристальное внимание исследователей постоянно привлекает одна из важнейших сторон практического воплощения идеологических установок партии эсеров - террор (2; 8; 11; 14; 16; 20; 23). Здесь ведется полемика в основном с советскими исследователями. В центре ее - вопрос о месте террора в деятельности эсеров. По мнению западных ученых, точка зрения их советских коллег сводится к восприятию террора как основного рода деятельности партии, довлеющего над всеми остальными видами ее работы (8; 14; 20 и др.). Между собой западные ученые обсуждают в основном проблемы хронологического плана (этапы применения террора), насколько и какая часть членов партии была ему привержена. С террором нередко связываются и причины популярности партии в разных слоях населения России, и оценка его как одной из главнейших причин всех ее бед, поражений и неудач в 1905-1907 и 1917 гг. (2; 8; 14; 16).

Западные историки пытаются спокойно, без эмоций, свойственных популярной публицистической литературе, разобраться в этой проблеме. Но каждый ученый находит свои объяснения этому феномену эсеровской истории. В их оценках многое построено на акцентах. Тем не менее, все исследователи в той или иной мере считают террор хотя и важной, но лишь составной частью деятельности эсеров, в которую они, в зависимости от конкретной партийной организации на местах, включали и многоаспектную работу в "трудовом народе", под которым разумели совокупность рабочих, крестьян, интеллигентов. Все ученые отмечают и столь немаловажное обстоятельство, наложившее отпечаток на историю партии, как высокие моральные качества, свойственные идеологам эсеров.

Полной противоположностью им являлись провокаторы. Их деятельность освещена в очень интересной работе Н.Шлейфмана - первом обобщающем труде такого рода в западной историографии (24). В этой и других работах (2; 8; 14; 16; 20; 21; 2.4) отмечаются такие особенности террора (прежде всего присущие Центральной боевой организации, наиболее обособленной, и, по сути, стоящей вне контроля партии), как презрительное отношение ко всякой другой партийной работе, особенно "теоретизированию", вообще низкая теоретическая подготовка, высокомерие, чванство и т.п. Хилдермайер подчеркивает как принципиальное отличие эсеров от народолюбцев - их намерение стать массовой партией. Это не получилось в значительной мере из-за конспирации, которая усложняла выполнение такой задачи (8). Но, способствуя отделению от масс, конспирация, как явствует из работы Шлейфмана, до 1906 г. была на крайне низком уровне. Эсеры долгое время (вплоть до разоблачения Азефа) воспринимали проникновение провокаторов в свои ряды как неизбежное зло и относились к этому стоически. К тому же прием в партию всех желающих, изъявивших согласие с ее программой (за исключением Боевой организации, разумеется), также облегчал работу

полиции. Например, Парижская группа приняла в свои ряды 70 человек, о деятельности которых в России ничего не было известно (24, с. 78).

Исследователи отмечают и важность (в теоретическом плане) аграрной программы эсеров (1;11; 15; 16; 20; 22). Как ни высока ее оценка, все исследователи, рассматривающие

эту проблему, все же признают, что программа работала лишь на "перспективу". В революции 1905-1907 гг. она не могла сыграть какой-либо практической роли, хотя была важна как общая основа,

объединяющая членов партии. Ее время пришло только в 1917 г., но плодами своих многолетних трудов эсеры воспользоваться не смогли (11; 16; 22). Один из крупных специалистов по истории партии эсеров — Хилдермайер касается этой проблемы в своем фундаментальном труде, вышедшем в Кельне (9).

Революцию 1905-1907 гг. западные историки оценивают как стихийное движение; ни о какой политической партии, как доминирующей в революционном движении, тогда не могло быть и речи (8; 16; 20; 22 и т.д.). Как пишет Борке, высокая активность русского народничества вновь проявилась с полной силой, когда начались выступления крестьян (3). Эсеровские организации пытались воспользоваться революционным подъемом в деревне, а потом и в городах (где борьба рабочих оценивается, например, Шаниным (22) в связи и как следствие борьбы в деревне) для достижения заветной цели — смести путем массового вооруженного восстания ненавистное самодержавие. Реализацию этой цели многие западные историки считают невозможной уже потому, что в массе своей крестьянство было привержено "престолу и отечеству" и республиканизм эсеров, несмотря на все их усилия, никак не "прививался" к крестьянскому сознанию (21; 22). Эсеры, полагают многие зарубежные авторы, не могли возглавить крестьянские массы — мешала огромная дистанция между маленькой горсткой эсеровских интеллектуалов и огромной массой в большинстве своем неграмотного и забитого крестьянства. Особенно подробно раскрываются эти два тезиса в исследованиях Блейкли и Шанина (2; 22), Разумеется, у каждого из них есть собственная точка зрения по многим конкретным вопросам, но чаще всего эти различия носят второстепенный характер и более различаются в нюансах тех или иных оценок. Так, например, Шанин, выдвинув тезис о самостоятельности крестьянских выступлений, гораздо четче и определеннее остальных исследователей в качестве основной развивает мысль о том, что революция 1905-1907 гг. была крестьянской, служила их целям, ими же возглавлялась, и они участвовали в ней для достижения собственных интересов (22, с. 170). Эсеры же оцениваются как попутчики крестьянства, использовавшего их интеллект чисто прагматически, и который отнюдь не довлел над ним. Это не значит, что среди крестьян эсеры не пользовались влиянием. Многие современные западные историки не разделяют мнения ряда своих легковверных коллег, бравших на веру заявление лидеров эсеровской партии, где говорилось о преобладающем влиянии эсеров в деревне. Но и этим историкам чужд нигилизм — отрицать вовсе эсеровское влияние в деревне. Они, однако, реалистичнее подходят к критериям оценки степени такого влияния. В западной историографии никто не отрицает факт большой работы эсеров в крестьянстве (2; 11; 16; 20; 22).

Что касается освещения деятельности эсеров среди рабочих, то в литературе диапазон мнений значительно шире, чем в отношении крестьян. Исследуя численность, структуру, социальный состав партии эсеров, значительную новизну в существующее представление об этих проблемах внесла Перри (15). Многое сделал в той же области и Хилдермайер (8; 9). Но у истоков современного эсероведения стоит Рэдки, который поднял многие

проблемы, обозначил, наметил абрис их решения, дал ряд приемлемых и в новейшей историографии оценок. Его последователи не только приняли трактовку многих аспектов истории партии, но ряд положений существенно углубили, а в ряде вопросов и разошлись с Рэдки. Во всем этом весьма преуспел Райс (20). Он изрядно "перетряхнул" наследие Рэдки, пересмотрел, развил, дополнил его идеи. Известно, что один из основных вопросов, вызывающих бурную полемику в среде зарубежных эсероведов,- вопрос о глубине воздействия эсеровских идей на рабочую среду. Райс полностью отвергает тезис Рэдки и ряда

других ученых о слабости влияния эсеров на рабочих. По его мнению, такая оценка является слишком упрощенной. Между тем здесь необходима более четкая дифференциация этого влияния. В 1903—1905 гг., как считает Райс, эсеры уделяли мало внимания рабочим по причине их тяготения к экономической борьбе, в то время как эсеры делали упор на борьбу политическую. Лишь по мере усиления революционных настроений в России росла и политизация рабочего класса. Вот тогда—то эсеры, вплотную поставив перед собой задачу достижения влияния в рабочей среде, вскоре в ряде промышленно развитых районов страны стали на равных бороться с социал-демократами за влияние на рабочих. Эсеровская партия превратилась в массовую организацию, и около половины ее членов были рабочими. Райс особо отмечает социальную разнородность рабочего класса России, большинство которого, по его мнению, сохраняло тесную связь с деревней. Именно на этот контингент, представляющий, по выражению Джонсона, “симбиоз города и деревни” (10), эсеры обратили внимание в своей пропаганде, и именно он дал наибольший процент рабочих в рядах эсеровской партии. Однако это, по мнению Райса, не означало, что эсеры не затронули своим воздействием других слоев рабочих и в том числе тех, которые относятся к чисто пролетарским, например, металлистов или текстильщиков. В отношении влияния на эти категории рабочих у западных ученых идет непрекращающаяся дискуссия. Характерна полемика Райса с Д.Кенкер (12) и Л.Энгельштейн (5) о влиянии эсеров в Москве и Петрограде на эти слои рабочих в 1905-1907 гг. Исследователи, пользуясь каждый своими данными, приходят к диаметрально противоположным выводам по вопросу о том, чье влияние было сильнее на рабочих в то время - эсеров или социал-демократов. Однако, как мне представляется, главная мысль Райса о необходимости учитывать конкретную обстановку, особенности региона, национальный состав рабочих, условия их труда и быта и пр. имеет под собой весьма веские основания. Привлекая новые архивные данные, Райс подтверждает подсчеты Перри и Хилдермайера о значительной доле рабочих в эсеровских организациях (около 40%) (20, с. 38). Не согласен Райс и с оценкой эсеров в советской историографии, по его мнению, преуменьшающей эсеровское влияние в среде пролетариата, характеризующей деятельность эсеров как неэффективную, поскольку они не были способны руководить передовыми отрядами рабочего класса и сдавали свои позиции при малейших трудностях. Райс подчеркивает наличие сильных эсеровских организаций в среде металлистов и текстильщиков и их активность, которая, по его мнению, зависела прежде всего от эффективности работы полиции. Вопрос о том, как деятельность полиции отражалась на состоянии эсеровской партии, тщательно изучают Шлейфман (23), Перри (14), Хилдермайер (8). Согласно их данным, в годы революции были арестованы и сосланы 15 тыс. эсеров. Характер работы среди рабочих у эсеров был точно такой же как у социал-демократов — распространение литературы, листовок, подготовка стачек. Но помимо этого эсеры еще много внимания уделяли и созданию заводских боевых дружин, подготовке террористических акций, охране митингов и т.п. Здесь, однако, необходимо отметить, что западные ученые пишут и о серьезных противоречиях между эсерами в применении террора. Руководство партии запрещало, например, всякие формы

экономического террора, ратуя исключительно за политический, но на практике на местном уровне имел место и экономический, и в большинстве случаев невозможно было отличить их один от другого (14).

Впрочем, участники дискуссии о приоритете влияния политических партий в рабочей среде постоянно жалуются на нехватку конкретных материалов, что, несомненно, затрудняет проведение исследований и во многом обуславливает гипотетический характер их обобщений и выводов. В частности, вывод о преобладающем влиянии эсеров на некоторых крупных предприятиях Петрограда Райс делает на основании подсчета голосов на выборах во П

Государственную думу; на ряде предприятий победили кандидаты эсеров (20; 21). Относительно полемики о степени влиятельности партий в различных слоях рабочего класса надо отметить, что суждения западных историков отнюдь не категоричны, здесь они больше склонны подвергать сомнению все, что не имеет под собой серьезного фактического обоснования. Они дают верное освещение многих важных событий, фактов в истории эсеров 1905-1907 гг. Так, все они признают многочисленные просчеты этой партии в тактических и организационных вопросах (2; 8; 14; 20; 22; 23 и т.д.). Но и отдельные успехи ее, например в Советах, не гипертрофируются. Блейкли и Райс приводят убедительные данные о преобладании в некоторых из них эсеров, но тут же показывают недостатки работы эсеров в Советах. Райс в качестве основных причин неудовлетворительной в целом деятельности эсеров в Советах и профсоюзах указывает на такие, как предубеждение, оставшееся в наследство от народников против всякого рода "экономической" активности, нестабильность организаций, хроническую нехватку квалифицированных кадров из—за полицейских "акций", неумелое руководство эсеровских лидеров и т.д. К тому же основные кадры эсеров в рабочей среде - рабочие, сохраняющие тесную связь с деревней, - практически не шли в массовые организации и даже профсоюзы. Этот контингент, по мнению Райса, вполне нормально адаптировался в городе и составлял подавляющее большинство рабочей силы и мог, как рассчитывали эсеры, влиять на другие слои рабочих. Возражения на этот счет возникают у О.Крисп (4), которая считает бывших деревенских жителей инертными, плохо восприимчивыми ко всему новому людьми, — уже оторвавшимися от деревни, но еще не прижившимися и в городе. Л.Хеймсон (7) даже связывает рост экстремизма в городах (и не только во время революции) с увеличением числа таких рабочих.

Западные историки многоаспектно освещают недостатки эсеровской партии в революции. Рэдки (16) указывает, например, на огромный разрыв между руководством эсеровской партии и ее организациями на местах. Об отсутствии опытных лидеров во время восстания напоминает Блейкли (2), на постоянную, с ее точки зрения, порочную тактику ждать вооруженного восстания "снизу", как это было в 1900 г., и устраниваться от активных действий в решающие моменты - Райс (20). В длинном списке причин, приведших к неудачам, назван и излишне свободный доступ в партию, что, по мнению Райса, вело к внедрению в нее чуждых ей по духу людей, а Блейкли добавляет к этому внешне малозначимый, но в действительности немаловажный факт - недоверие в серьезных делах эсеровских лидеров к членам партии из рабочей и крестьянской среды в низовых организациях, вследствие их "малосознательности".

Таким образом, эсеры лишали себя реальной и глубокой связи с массами. Все исследователи сходятся на том, что поражение революции в 1905-1907 гг. самым пагубным образом отозвалось на эсеровских организациях. Шанин (22) подчеркивает, что эта неудача еще более углубила раскол в партии, привела к отходу от них сторонников легальной мирной работы, что сказалось впоследствии и на отношении к мировой войне, разделившей эсеров на ее приверженцев и противников в 1914 г. А это,

по его мнению и мнению многих других исследователей, явилось, в конечном счете одной из основных причин катастрофы партии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

11. Blum J. Lord a. peasants in Russia from the nineteenth to twentieth century. — Princeton, 1961. — 508 p.
22. Blakely A. The making of populist revolution in Russia 1900-1907 / Latin American populism in comparative perspective. — Ed. by Conniff M. — L., 1982. — P.151-191.

33. Borcke A. von. Violence a. terror in Russian revolutionary populism: The narodnaya volya, 1879-1883 / Social protest, violence and terror in nineteenth and twentieth century Europe / Ed. by Mommsen W.J. and Hirschfeld G. L., 1982. – P.48-63.
44. Crisp O. Labour a. industrialization in Russia / Cambridge economic history of Europe. – Cambridge, 1978. – Vol.VII. – P.308-416.
55. Engelstein L. Moscow, 1905: Working-class organization a. political conflict. Stanford, 1982. – 308 p.
66. Fischer G. Russian liberalism from gentry to intelligensia. – Cambridge, 1958. – IX, 240 p.
77. Haimson L. The problem of social stability in urban Russia 1905-1917. // Slavic rev. – N.Y., 1979. – N 23. – P.23-45.
88. Hildermeier M. Political and economic terror in the tactics of the Russian Socialist-revolutionary party before 1914 // Social protest, violence and terror in nineteenth and twentieth century Europe / Ed. by Mommsen W.J. a. Hirschfeld G. – L., 1982. – P.80-88.
99. Hildermeier M. Die Sozial-revolutionary partei Russland. Agrarsozialismus und modernizirung im zarenreich 1900-1914. – Köln, 1978. – 514 s.
1010. Johnson R. Peasant a. proletarian – the working class of Moscow in the late nineteenth cent. – New Brunswick, 1979. – 225 p.
1111. Immonen H. The agrarian programm of the russian socialist revolutionary party, 1900-1914. – Helsinki, 1988. – 169 p.
1212. Koenker D. Moscow workers a. the 1917 revolution. – Princeton, 1981. – 420 p.
1313. Lane D. The roots of Russian communism: A social a. historical study of Russian social democracy, 1898-1907. – L., 1969. – 240 p.
1414. Perrie M. Political and economic terror in the tactics of the Russian Socialist – revoluutionary party before 1914 //Social protest , violence And terror in nineteent a. Twetieth century Europe /Ed. By Mommsen W.J. a. Hirechfeld G. – L., 1982. –P. 63-80.
1515. Perrie M. Political and economic terror in the tactics of the Russian Socialist-revolutionary party before 1917 // Soviet studies. – N.Y., 1972. – Vol.24. P.223-250.
1616. Radkey O. The agrarian foes of bolshevism. Promise a. default of the Russian socialist-revolutionaries. Febr. to Octob. 1917. – N.Y., 1958. – 521 p.
1717. Radkey O. Chernov a. agrarian socialism before 1918 // Continuity a. change in Russian a. Soviet thought. – XII, 563 p.
1818. Radkey O. The sickle under hammer: The Russian socialist revolutionaries in early mounts of Soviet rule. – N.Y., 1963. – 525 p.
1919. Radkey O. The unknown civil war in soviet Russia. A study of the Green movement in the Tambov region 1920-1921. – Stanford, 1976. – XIX, 457 p.
2020. Rice Ch. Russian workers a. the socialist-revolutionary party through the revolution of 1905-1907. – Birmingham, 1988. – 272 p.
121. Rice Ch. Land a. freedom in the factories of Petersburg: the SRs a. the workers' curia elections to the Second Duma. January 1907 // Soviet studies. – Glasgow, 1984. – Vol.XXXVi, N 1. – P.87-108.
222. Shanin T. Russia, 1905-1907: Revolution as a moment of truth. – Vol.2. – The roots of otherness: Russia' turn of century. – New Haven, 1986. – 379 p.
323. Szamuely T. The Russian tradition. – L., 1974. – XI, 443 p.

424. Shleiphman N. Undercover agents in the Russian revolutionary movement the SR party, 1902-1914. – Oxford, 1988. – 222 p.
525. Venturi F. Roots of revolution: History of populist a. socialist movement in Russia. – N.Y., 1960. – XXXVI, 850 p.
626. Vucinich A. Social thought n tsarist Russia, 1861-1917. – Chicago, 1976. – 294 p.
727. Walicki A. A history of Russian thought from the enlightenment to marxism. – Stanford, 1979. – XVII, 456 p.
828. Walters F.M. The peasant a. the village commune // Ed. by Vucinich W. The peasant in the nineteenth century Russia. – Stanford, 1968. – XX, 314 p.

В.С.Коновалов